

• Молодежь Молдавии • 1 марта 1990 г.

Молодежь Молдавии - Кишинев, - 1990. - 1 марта.

ТРУДНО БЫТЬ ЗНАМЕНЫТЫМ

Мы находимся в графстве Суссекс, в двух часах езды от Лондона, где Маккартни владеет прекрасным, но без позаной роскоши имением. В амбаре он создал маленькую, но современную студию звукозаписи, где был записан его последний диск «Цветы в грязи!», возмож- ный лучший альбом за все время его сольной карьеры. Вокруг широко простирается англий- ский сельский пейзаж, море сочных лугов, на которых пасутся овцы.

— Меня удивляет, что вы решаетесь вы- пускать пластинки, уже столько лет выдержи- вая бремя быть Полом Маккартни. Полагаю, что вам было бы проще убраться от дел.

— Думаю, это потому, что я действительно люблю музыку каждый раз, когда я сажусь сочинять новую песню, это оказывается не лег- че, ни труднее, чем было раньше. Но мне это по-прежнему нравится. Сидишь за рояль и пишешь дин-дэн, постепенно тебя захватыва- ет музыка, и ты доводишь до совершенства се- бя: «У-у, похоже, что-то получается». Это вол- нует, как в первый раз. Что касается бремени славы Пола Маккартни, мой способ защиты от этого — не чувствовать себя Полом Маккарт- ни. Он — это знаменитая часть меня, это биз- нес. Но внутри я чувствую себя как прежде — парнем из Ливерпуля. Мне нравится то же, что и раньше. Природа, например. Такие вещи меня внутренне поддерживают, потому что они неизменны. Весеннее пение птиц сейчас со- вершенно такое же, как в то время, когда мне было пять лет, оно не меняется от того, что я Пол Маккартни. Во мне как бы две личности: одна — знаменитая, которая просто делает свою работу, а другая — это я сам, мое дейст- вительное я. Стараясь их не смешивать.

— Это обычная шизофрения славы? — Я уверен, что все мы такие. Будучи ре- бенком, ты говоришь о совести, так? Все гово- рит о совести. Что же это, тот голос, который говорит внутри тебя, если не раздвоение, вид шизофрении? То же самое происходит со мной. Это мое сознание. Мое сознание в этом случае — это часть того, что я называю своим собст- венным я, а другая часть — это знаменитая личность. Возможно, такое разделение делает меня еще большим шизофреником, но я этого не чувствую. Проблема состоит в том, что из- вестность и богатство приносит с собой опре- деленные трудности. Но именно эти трудности все хотят испытать, не правда ли? Все гово- рит: «Дайте мне стать богатым, а я уж разбе- русь с трудностями». Но когда оказываешься в таком положении, это становится бременем, о котором ты не перестаешь сокрушаться. В то время, когда я входил в группу «Битлз», был момент, когда я понял, что нет возврата и уже невозможно перестать быть знаменитым, поскольку даже если бы я ничем собой не представлял, то я все равно оставался бы тем, кто входил когда-то в ансамбль «Битлз». И когда я это понял, то подумал «Что ж будет лучше, если ты научишься с этим жить, чем сожалеать об этом».

Американское телевидение только что закончи- ло записывать интервью с ним, поэтому Пол был одет с особой тщательностью: в тонкий свитер цвета слоновой кости и красивый коричневый пиджак. Но совсем новые джинсы слишком вели- ки и обут он в утомительные черные спор- тивные башмаки. У него вид ребенка, которого нарядно одели во все новое по случаю воскре- сенья, и он чувствует себя сканованно. Легко пред- ставить себе, что в обыденной жизни Маккартни одевается также небрежно, как и Линда, кото- рая сегодня шагает в каком-то трипе и стар- рой рубашке, без напик косметики на своем ор- ганическом лице. Неодарая, очень немолдая, с фи- гуры, поставленной от отца, морщинистой кожей, как у крестьянок, изобретенных работю, под открытым небом. Крепкая крестьянская мать. Пол и Линда женаты 20 лет. Это не блестящая и воздушная жена, какой должна быть по расхо- жему мнению жена суперзвезды рока. Но и Пол меньше всего похож на суперзвезду. И его верность Линде такой, какая она есть, — это не- маловажный признак другой, более глубокой верности, глубокой связи между тем, что он говорит, и тем, что он делает.

— Но если люди, которым не удается пе- режить бремя славы. Вам, похоже, удалось вынести все — и славу, и богатство, и разрыв с «Битлз». Вы выжили.

— Да думаю, что это правда. Постучим по дереву. Думаю, это правда. Среда, из которой я вышел, — рабочая, это люди наделенные сверхвыносливостью. Они всегда находят вы- ход из любого положения и... это непростое, но скажу, что это просто: в моей жизни было очень много трудных моментов. Сейчас, к счастью, это не так, но когда перестал суще- ствовать «Битлз», это был кошмар. Я чувст- вовал себя конченным, мог бы превратиться в бродягу, человеческие оторсы. Жизнь поте- ряла всякую цель. Не было смысла вставать по утрам, браться... После разрыва с «Битлз» са- мым логичным казалось отстраниться от жизни. Но я попробовал сделать это, и через несколько недель понял, что ничего не получится. Я не мог превратиться в жалкого бродягу и разру- шить себя. Итак, надо было снова становиться на ноги. Это очень трудный опыт и в то же вре- мя достаточно распространённый. Думаю, это как проработать на фабрике 20 лет и вдруг уз- нать, что ты уволен. Ты задаешь себе вопрос: «Что делать оставшуюся жизнь?». И тобой владеет мысль: «Я ничего не стою. С «Битлз» стоил, а теперь нет». Это очень угнетающее ощущение, ты чувствуешь огромную тяжесть. Конечно, если ты способен преодолеть это, ты выходишь окрепшим. Но такая жизнь. Жизнь — это сложная штука.

НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР С ДЖОНОМ ЛЕННОНОМ

— Первые годы, конечно, были ужасными. Вы остались один, поссорившись в 1971 году с тремя другими членами «Битлз». А тем вре- менем Джон говорил о вас скверные вещи. И вы почти никогда не отвечали ему. Почему? — Действительно, не отвечал. Видишь ли, я знал, что люблю Джона. И все годы, когда мы писали вместе музыку, были особыми го- дами. И ничто не может изменить этого. Ду- маю, что безастекость Джона была просто бо- лтовней. Много шума, крика, но это, как у пьяного, лишено смысла. И я подумал, что ес- ли отвечу, то ввяжусь действительно в круп- ную ссору и к тому же могу еще проиграть, потому что Джон был силен в словах, на этой территории с ним было трудно бороться. Итак, я сказал себе: «Зачем в это ввязываться? Это все равно ничего не даст, и я не выиграю». Так я это дело оставил. И сейчас я очень рад, что поступил так, потому что мы не затеяли боль- шой свары, и прежде чем он умер, мы смогли снова войти в дружеские отношения. Джон был действительно хорошим человеком, но очень крикливым. Потому мы и назвали его лидером группы, что он кричал громче всех.

Сегодня Полу исполнилось 47 лет, все его во- лосы покрыты проседью. Он строен и сохраняет мопокавый вид, но английские лица его типа плохо переносят разрушительное влияние време- ни. Сейчас चेки у него обвисли и потеряли фор- му, как у наполовину опавшей восточной маски. Иногда, если он улыбается и строит одну из сво- их многочисленных смешных гримас, в его лице проскальзывает двадцатилетний битл, как плен- ник, заточенный в клетку его увядшего тела.

это вызывает беспокойное чувство, потому что он похож на преждевременно состарившегося ре- бенка, на карикатуру на самого себя. Конечно у Маккартни игривый характер подростка. Он по- тожно шутит с тем бессмысленным и нелепым юмором, который был так характерен для «Битлз». Жестиккулирует, играет голосом, изобра- жает самого себя; похоже он играет бесконеч- ную роль в фильме «Что за ночь после тяжелого дня». Но нет в нем бескойного и несурового самолюбования, характерного для звезд, кото- рые постоянно ожидают аплодисментов и свои- ми ужимками настраиваются на пыльные улыб- ки святых. Шутки Пола окрашены застенчивостью, лишены резкости и, похоже, составляют неотъ- емлемую часть его самого; возможно он вел себя так ребенком, желая быть любимым.

— Получается все же любопытно, что, Джон, который вас публично оскорбил и вел себя, как дурной мальчишка, превратился в глазах общественного мнения в хорошего парня, а вы, который всегда тактично молчал и вел себя достойно, будете считаться плохим.

— Но такого человеческого природа. Людям нравятся дурные мальчишки. Людям нравятся Стив Маккуин, Ли Марвин. Крутые парни. Я никогда не был таким. Мне не нравятся дра- ни, я никогда не был хорошим драчуном, поэ- тому я всегда старался избегать их. У Джона

тали совершенно равными. А остальное сложи- лось уже после «Битлз», когда Джон и Йоко стали превращаться в... Видишь ли, если ты готов появиться на обложке своего альбома сов- сем без одежды, то вызовешь сенсацию. Но я не расположен к этому, потому что застенчив, просто не хочу этого делать. Так что меня легко можно победить. Если я сейчас во время интервью сижу перед тобой брком, это, без сомнения, будет сенсацией, но ясно, я этого не сделаю. Мне это не нравится. Я превосхо- жу, знаю, как превратиться в твердого парня: надо быть желчным, говорить, что в мире нет ничего, кроме рок-н-ролла, быть самым мрач- ным в мире, одеваться с утра до вечера в черное, как металлист, ходить в шипах, иметь группу, которая носила бы истинное зверское название, типа «Злость»... Я могу это сделать, конечно, могу, это легко. Но просто это не тот образ жизни, который мне подходит. Я знаю таких людей, посмотрел на это досыта, и мне не понравилось. Это угнетает. Нужно быть очень, очень сильным, чтобы в этом мире му- зыки публично утверждать нормальные цен- ности. Чтобы сказать: «Да, мне нравится лю- бовь. И мне нравится дети». Что? Говорить, что тебе нравятся дети? Или что тебе нравится семья? Фу! Пошел ты... Но мне нравится. Вы- ходит, что мне повезло, у меня чудесная семья, меня окружает народ из Ливерпуля, рабочий

ЛЮБОВЬ СПАСЕТ МИР

— У вас четверо довольно взрослых детей. Трудно представить себе экс-битла, ставшего важным отцом семейства.

— С приходом славы возникают проблемы. Поэтому я очень осторожен, воспитываю их, как обыкновенных людей, чтобы они общались с нормальными сверстниками. Чтобы у них были корни, как у всех. Мне говорят: «Ты со- шел с ума! Почему ты их не отправишь в Итон?» Итон — это элитарная школа. Да по- тому, что они вернулись бы оттуда, разгова- ривая как зануды. Мне не нравится этот тип людей, и не хочу, чтобы мои дети были таки- ми. Мы никогда не держали няню для детей. Я в восторге от малышей. Я сам из такой же семьи. Когда я был маленьким, всегда мне кто- нибудь сновал ребенка в руки. Нужно было гу- лять с ним, укладывать спать, качать его. Счи- тая, что мне повезло. Линда же воспитыва- лась иначе. Она из богатой семьи, но не имеет ничего общего с семейством Истмен-Кодак вопреки распространяемым слухам. Однако ее отец — богатый адвокат, и она была воспита-

«Битлз» не были такими бунтарями, как мо- ги казаться. Думаю, что мы всегда были таки- ми же, какими являемся сейчас. Совершенно нормальными. И мы казались немного сумас- шедшими, и сама атмосфера 60-х годов была какая-то сумасшедшая. Но это было добро по- мешательство. Мы всегда выступали за мир, всегда отстаивали положительные ценности. Не вижу никакой разницы между тем, что я ценю сегодня, и тем, что ценил, когда входил в груп- пу «Битлз». Когда взрослеешь, конечно, нем- ного меняешься, и прежде всего меняется внут- ренний мир. Мой внутренний мир сегодня, ко- нечно, иной, чем был. Если бы сейчас были 60-е годы, я бы сказал своим детям, напри- мер, что свободная любовь — хорошая идея. Но сейчас, в конце 80-х, да еще во времена СПИДа, в этой идее уже нет ничего хорошего. Сейчас говорю, что нужно быть осторожным, осмотрительным. У нас хороший контакт, мы с ними друзья... Очень мило, когда дети гово- рят нам иногда: «Мама, папа, было бы есте- ственно, если бы мы были хиппи, бунтарями, а вы строгими родителями, но получаются, что у нас все наоборот: мы строгие, а вы эксцентрич- ны!»

— Вы считаете себя эксцентричным?

— Да, и это хорошо. — У поколения 80-х множество потерь. Многие остались на дороге, сложенные нарко- тиками или головокружением тех лет. Вы ока- зывались когда-нибудь на краю пропасти? — Да, в 60-е годы. Когда написал Let it be. Перед тем как создать эту песню, у меня был период глубокой депрессии. Думаю, что это в значительной мере из-за наркотиков. Не знаю, но это был безумный период в моей жизни, и многие вещи казались мне лишенными смыс- ла. Я посвящал себя тому, что ходил по ноч- ным клубам, целая дюжина. Не было ничего внутри, под верхним слоем такой бурной жи- зни. Я помню одну ночь, когда я лежал в кроват- ки, почувствовал себя по-настоящему плохо. Тогда мне приснился сон, мне снилась мать, которая умерла за много лет до этого. И мама сказала мне: «Все будет хорошо, не волнуйся, все образуется». Это было такое огромное об- легчение... После той ночи я написал Let it be. И этот сон мне помог, действительно помог. Это был первый из случаев, когда я оказывал- ся на краю бездны. Другой был, когда распада- лась «Битлз». Я уехал в Шотландию, несколь- ко дней не вставал с постели и много пла... Все это было так безумно и обыденно, как это может быть с любимым в подобной ситуации. Бедная Линда! Она пыталась помочь мне. И она действительно помогла мне, потому что у нее железный характер. Она мне сказала: «Это пустяки! Все будет хорошо, не переживай...» А я: «Нет, я ничего не стою, как я подниму после этого голову, на что я способен, я ведь четвертая часть чего-то, и ничего более, сам по себе я ничего собой не представляю...» Лин- да мне дала силы. А также детей. Когда чув- ствешь себя в безвыходном положении, к те- бе подходит сын и говорит: «Папа, я тебя лю- лю». Это помогает. Есть старый фильм, в ко- тором Гери Грант готов броситься с моста, к нему подходит сын и говорит: «Папа, я тебя люблю, пойдем домой». И у тебя слезы ручь- ем.

— Вы плачете в кино?

— Дааа... Раньше мне это мешало, я хотел быть настоящим мужчиной и скрывал, что у ме- ня текут слезы, но теперь это меня нимало не беспокоит.

В течение трех лет у него не вышла ни одна пластинка, а теперь в своем диске «Цветы в гря- зи» он снова касается тех тем, за которые он так дорого заплатил: любовь и семья. В первой пес- не этого альбома он говорит о том, как знаме- нитые люди теряют свою душу. Это опасность, которой, без сомнения, коснулся Маккартни, этот рабочий парень из Ливерпуля, поглощенный не- воображимой славой и охваченный головокруже- нием, которое обычно дробит кости души. По- тому, чтобы выйти из этого головокружения, чтобы затормозить ускорение мира, Маккартни вернулся к своим корням — маленьким радуг реальности, простую крестьянскую жизнь.

— Это не звезда, не бунтарь, не тем более са- модовольный триумфатор. Это всего лишь человек, затронутый историей, который, несмотря на это, стремится выжить.

— Однажды ваша дочь Мэри вернулась из колледжа и показала вам учебник. В нем го- ворилось о вас. Что вы почувствовали?

— Это невероятно. Да, я вспомнил, как хо- дил в школу, читал учебники и видел там Уин- стона Черчилля и других. И обычно думал: «Богже, это должно быть, очень важные люди». И это так странно узнать однажды, что мы во- шли в книгу истории. Да, считаю, что мы де- лали многое нашей музыкой и нашей позици- ей. Мы, группа «Битлз», помогли развитию со- циальных отношений. Больше всего волнует, если обернуться назад и увидеть все, что изме- нилось, и сказать самому себе: «Мы имели к этому какое-то отношение». А это много зна- чит.

(«Панс Семаналь» — «За рубежом»).

ОН БЫЛ «КРАЕУГОЛЬНЫМ КАМНЕМ» ГРУППЫ «БИТЛЗ», ВЕЛИЧАЙШЕГО В ИСТОРИИ РОК-МУЗЫКИ ФЕНОМЕНА. КОГДА В 1970 ГОДУ ОНА РАСПАЛАСЬ, БЛЕСТИЯЩИЕ И ЗЫБЕ НАПАДКИ ДЖОНА ЛЕННОНА НА НЕГО СЛЕГКА ЗАТУМАНИЛИ ЕГО ОБРАЗ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПОЛ МАККАРТНИ С ЗАВИДУМ УПОРСТВОМ ПРОДОЛЖАЕТ СВОЮ МУЗЫКАЛЬНУЮ КАРЬЕРУ. НАЧАЛА С ГРУППОЙ «УИНГ», А СЕГОДНЯ — В ОДИНОЧКУ. ОН ЖЕНАТ НА

ФОТОГРАФЕ ЛИНДЕ ИСТМЕН, ИМЕЕТ ЧЕТЫРЕХ ДЕТЕЙ — 24, 19, 17 И 11 ЛЕТ (ОДИН РЕБЕНОК — СЫН ЛИНДЫ, ОСТАЛЬНЫЕ — ИХ ОБЩИЕ ДЕТИ). СЕГОДНЯ ПОЛ ВЕДЕТ СПОКОЙНУЮ И СКРОМ- НУЮ ЖИЗНЬ В АНГИИ И НЕ ХОЧЕТ УЕЗЖАТЬ ОТСЮДА, НЕ СМОТЯ НА ТО, ЧТО БРИТАНСКИЕ НАЛОГИ СЪЕДАЮТ 98 ПРО- ЦЕНТОВ ЕГО ДОХОДОВ.

народ, добрый и крепкий, абсолютно нормаль- ный, веселый, симпатичный, дружелюбный и солидарный... глубокий народ. Лучшее их никого не встречал и не хочу действительно больше ничего. Мне не нравится темная сторона. Я не такой... сильный.

«Я ПРЕДПОЧИТАЮ СПОКОЙСТВИЕ...»

— Предпочитаете спокойствие?

— Да, я предпочитаю спокойствие. Но лю- бовью, если рассказывать то, за что так бешено, как это было свойственно ему, борол- ся Джон, то я согласен с этим. Вопрос лишь в форме, он это делал так своеобразно, ложась голым в кровать, чтобы бороться за мир.

Я написал песню, которая называется «Труб- ки мира», и он написал песню «Дай шанс ми- ру», по существу все мы хотели мира, выхо- чая того самого твердого парня. Если рассма- тривать принципы, которые он отстаивал, в них не было ничего плохого. Все это были хо- рошие, добрые цели. Знаю, что одним из наи- больших удовольствий для Джона было вос- питывать своего сына Пола. То есть быть про- сто папой, только Джон никогда не признался в этом публично, в этом вся разница. Я слаб и говорю об этом. Потому что действительно так считаю — таков я, и повторяю я это, даже если это испортит мне карьеру. Знаю, что не принято говорить подобные вещи в этом жесто- ком мире рока, но скрывать это мне кажется слишком легко. Труднее, гораздо труднее быть верным себе и показывать себя таким, каков есть. Труднее, потому что вынужден все время терпеть шутки типа «а, он глуп и слаб». По- тому что должен все время повторять: «Нет, я тоже писал сильные песни, например «Я вни- зу». Помните? Это написал я, сделал кое-что хорошее...»

Маккартни — композитор, который имеет на- вышней в истории успех, его 43 песни разошлись более чем миллионным тиражом каждая. Это ис- полнитель, у которого самый большой в мире тираж проданных пластинок, музыкант, имеющий наивысшее в истории число золотых дисков. Среди множества других ему принадлежат та- кие превосходные песни, как Let it be, Verterdau, которая была записана в тысячах различных ва- риантах. И тем не менее этот Пол Маккартни, завоевавший все, кажется, пошатнулся под тя- желью колоссальной пирамиды славы. Леннон, его темный контрапункт, его почти затмил, смерть Джона, как насмешка судьбы, закрепила этот спор навечно. Маккартни превратился для широ- кой публики в славаго, даже вполне зауряд- ного музыканта, и ему отказали не только в бу- дущих успехах, но задним числом пострадали его престиж в группе «Битлз». Он был раздавлен сво- им двойником, другим, трагедия Пола — это трагедия Моцарта и Сальери, только в этом слу- чае Сальери-Маккартни — превосходный муз- кант. Он раздавлен, как если бы мера его досто- инства зависела исключительно от челове- ка, который уже мертв. Неудивительно, что у ми- лейшего Пола время от времени выпрыгивает пар горечи, когда речь идет о Джоне. Но всегда очень деликатно и уклончиво.

— А как насчет того, что вы консерватив- ный человек?

— Я не считаю себя консервативным и в дей- ствительности таким не являюсь. Я довольно сумасшедший человек и не мог бы входить в группу «Битлз», если бы не был достаточно сумасшедшим. Я такой, поверь мне.

на элитарной семье, которой принадлежат большие дома с кучей прислуги и леденящей атмосферой. И она возненавидела этот мир. Поэтому, когда мы жили в Шотландии, у нас был маленький домик, только с двумя спаль- ными, и это ее восхитило. И первые десять лет мы воспитывали всех наших детей в этом доме. В одной стали мы, в другой — четверо детей. И считаю, что это хорошо. В той сре- доте, куда я родом, это считается нормальным. Некоторые мои двоюродные братья живут в та- ких же маленьких домиках и имеют по девять детей. Дети спят на матрасах, растеленных повсюду на полу, и эти дома нельзя назвать ни чистыми, ни чудесными, но детям хорошо, и у них прекрасные сердца.

— Но как сочетается прежний бунтарский образ «Битлз» со строгостью родительской власти?

— Дело в том, что в действительности

Маккартни, принимали участие Герри Марсен («Гери энд зе Пейсмейкерз»), Холли Джонсон («Биз — «Френч едет в Голивуд») и группа «Кристианс». Доход от продажи сингла направляет семье погибших.

НА СНИМКЕ: Пол Маккартни с дочерью одного из погибших фанов.